

Речи на Конгрессах Лиги Мира и Свободы.

1868, источник: [здесь](#).

- [I. РЕЧЬ НА КОНГРЕССЕ ЛИГИ МИРА И СВОБОДЫ В 1867 Г.](#)
- [II. РЕЧЬ НА КОНГРЕССЕ ЛИГИ МИРА И СВОБОДЫ В 1868 Г.](#)

I. РЕЧЬ НА КОНГРЕССЕ ЛИГИ МИРА И СВОБОДЫ В 1867 Г.

** Напечатана в книге "Историческое Развитие Интернационала", стр. 302—307.*

Вступая на эту трибуну, я спрашиваю себя, граждане, каким образом я, русский, являюсь среди этого международного собрания, имеющего задачей заключить союз между народами? Едва четыре года прошло с тех пор, как русская империя, которой я, правда, всенепокорнейший подданный, возобновила свои преступления и убийства над героической Польшею, которую она продолжает давить и терзать, но которую, к счастью для всего человечества, для Европы, для всего славянского племени и для самих народов русских, ей не удастся убить.

Вот почему, не заботясь о том, что подумают и скажут люди, судящие с точки зрения узкого и тщеславного патриотизма, я, русский, открыто и решительно протестовал и протестую против самого существования русской империи. Этой империи я желаю всех унижений, всех поражений, в убеждении, что ее успехи, ее слава были и всегда будут прямо противоположны счастью и свободе народов русских и не русских, ее нынешних жертв и рабов. Муравьев, вешатель и пытатель не только польских, но и демократов русских, был извергом человечества, но вместе с тем самым верным, самым цельным представителем морали, целей, интересов, векового принципа русской империи, самым истинным патриотом, Сен-Жюстом, Робеспьером императорского государства, основанного на систематическом отрицании всякого человеческого права и всякой свободы.

В положении, созданном для империи последним польским восстанием ей остаются только два выхода: или пойти по кровавому следу Муравьева, или распасться. Середины нет, а желать цели и не желать средств, значит только обнаружить умственную и душевную трусость. Поэтому мои соотечественники должны выбирать одно из двух: или идти путем и средствами Муравьева, к усилению могущества империи, или за одно с нами откровенно желать ее разрушения. Кто желает ее величия, должен поклоняться, подражать Муравьеву и подобно ему, отвергать, давить всякую свободу. Кто, напротив, любит свободу и желает ее, должен понять, что осуществить ее может только свободная федерация провинций и народов, т. е. уничтожение империи. Иначе свобода народов, провинций и общин -- пустые слова. Право федерации и отделения, т. е. отступления от союза, есть абсолютное отрицание исторического права, которое мы должны отвергать, если в самом деле желаем освобождения народов.

Я довожу до конца логику постановленных мною принципов. Признавая русскую армию основанием императорской власти, я открыто выражаю желание, чтобы она во всякой войне, которую предпримет империя, терпела одни поражения. Это требует интерес самой России, и наше желание совершенно патриотично в истинном смысле слова, потому что всегда только неудачи царя несколько облегчали бремя императорского самовластья. Между империей и нами, патриотами, революционерами, людьми свободомыслящими и жаждущими справедливости, нет никакой солидарности.

Но довольно о наших частных делах. Займемся общими принципами, служащими предметом настоящих прений и долженствующими привести к соглашению два великие интереса: интерес отечества и интерес свободы.

То, что по моему мнению, справедливо относительно России, должно быть также справедливо относительно Европы. Сущность религиозной, бюрократической и военной централизации везде одинакова. Она цинично груба в России, прикрыта конституционной, более или менее лживой личиной в цивилизованных странах запада, но принцип ее все один и тот-же -- насилие. Насилие внутри, под предлогом общественного порядка; насилие внешнее под предлогом равновесия или даже, за неимением лучшего повода, -- под предлогом Иерусалимских ключей. В нынешней Европе реакция почти всюду торжествует: всюду она грозит последним остаткам несчастной свободы, которая, повидимому, разучилась защищаться. Чем теперь заняты правительства? Они вооружаются друг против друга. Всюду затеваются чудовищные вооружения. Неужели мы идем к ужасным временам Валленштейна и Тилли? Горе, горе нациям, вожди которых вернутся победоносными с полей битв! Лавры и ореолы превратятся в цепи и оковы для народов, которые вообразят себя победителями.

Мы все здесь друзья мира, и конгресс наш собрался для рассуждения о нем. Но много-ли найдется между нами до того наивных, чтобы считать себя в силах не допустить человечество до готовящейся страшной всемирной войны? Нет, никто из нас не повинен в таком самообольщении. Мы собрались не для того, чтобы браться за дело, очевидно непосильное, а для того, чтобы изыскивать сообща условия, при которых международный мир возможен. Какие же принципы должны лечь в основу нашего дела?

Эти принципы, истинные начала справедливости и свободы, должны быть непременно провозглашены именно теперь, когда недостаток принципов деморализует умы, расслабляет характеры и служит опорой всем реакциям и всем деспотизмам. Если мы в самом деле желаем мира между нациями, мы должны желать международной справедливости. Стало быть, каждый из нас должен возвыситься над узким, мелким патриотизмом, для которого своя страна -- центр мира, который свое величие полагает в том, чтобы быть страшным соседям. Мы должны поставить человеческую, всемирную справедливость выше всех национальных интересов. Мы должны раз навсегда покинуть ложный принцип национальности, изобретенный в последнее время деспотами Франции, России и Пруссии для вернейшего подавления верховного принципа свободы. Национальность не принцип; это законный факт, как индивидуальность. Всякая национальность, большая или малая, имеет несомненное право быть сама собою, жить по своей собственной натуре. Это право есть лишь вывод из общего принципа свободы.

Всякий, искренно желающий мира и международной справедливости, должен раз навсегда отказаться от всего, что называется славой, могуществом, величием отечества; от всех эгоистических и тщеславных интересов патриотизма. Пора желать абсолютного царства свободы внутренней и внешней. Программа наших комитетов приглашает нас обсудить основания организации Соединенных Штатов Европы. Но возможна ли эта организация с ныне существующими государствами? Вообразите себе федерацию, где Франция стоит на ряду с великим герцогством Баденским, Россия на ряду с Молдо-Валахией. Вообще, вообразима ли федерация централизованных бюрократических и военных государств, какие покрывают всю Европу, кроме Швейцарии?

Всякое централизованное государство, каким бы либеральным оно не заявлялось, хотя бы даже носило республиканскую форму, по необходимости угнетатель, эксплуататор народных и рабочих масс в пользу привилегированного класса. Ему необходима армия, чтобы сдерживать эти массы, а существование этой вооруженной силы подталкивает его к войне. Отсюда я вывожу, что международный мир невозможен, пока не будет принят со всеми своими последствиями следующий принцип: всякая нация, слабая или сильная, малочисленная или многочисленная, всякая провинция, всякая община имеет абсолютное право быть свободной, автономной, жить и управляться, согласно своим интересам; своим частным потребностям, и в этом праве все общины, все нации до того солидарны, что нельзя нарушить его относительно одной, не подвергая его этим самым опасности во всех остальных.

Всеобщий мир будет невозможен, пока существуют нынешние централизованные государства. Мы должны, стало быть, желать их разложения, чтобы на развалинах этих единств, организованных сверху вниз деспотизмом и завоеванием, могли развиваться единства свободные, организованные снизу вверх, свободной федерацией общин в провинцию, провинций в нацию, наций в Соединенные Штаты Европы.

II. РЕЧЬ НА КОНГРЕССЕ ЛИГИ МИРА И СВОБОДЫ В 1868 Г.

** Напечатана в книге "Историческое Развитие Интернационала", стр. 339--365.*

Граждане!

Я счастлив, что могу в вашем присутствии принять руку, так откровенно протянутую нам одним из представителей польской социальной демократии. Я принимаю ее от имени русской социальной демократии; и мы имеем право ее принять, потому что и мы, со страстью не уступающей по силе страсти польской демократии, желаем полного разрушения, совершенного уничтожения русской империи, империи, которая служит вечной угрозой для свободы мира, постыдной тюрьмой для всех народов, ею покоренных, систематическим и насильственным отрицанием всего, что называется правом, справедливостью, человечностью.

Год тому назад, на Женевском Конгрессе, я имел уже случай громко заявить, что между нами -- партией народного освобождения -- и между приверженцами этой чудовищной империи невозможно никакое соглашение. Наши цели диаметрально противоположны, они взаимно исключают друг друга. Кто желает сохранения империи, увеличения и развития ее могущества, как внешнего, так и внутреннего, тот должен с царем и с Муравьевыми идти против нас. Кто, напротив, желает свободы, благосостояния, умственного освобождения и нравственного достоинства народа, тот должен вместе с нами содействовать разрушению империи.

В Европе, обыкновенно, смешивают империю, состоящую из великой и малой России и всех покоренных земель, с самим народом, ошибочно воображая, что она есть верное выражение инстинктов, стремлений и воли народа, между тем как она, напротив, всегда играла роль эксплуататора, мучителя и векового палача народов.

Надо заметить, что совершенно неверно говорится о русском народе, как об едином целом, потому что русский народ не составляет однородной массы, а состоит из нескольких родственных, но все же различных племен.

Племена эти следующие: во первых, народ великорусский, славянский по происхождению, с примесью финского элемента, составляющий однородную массу 35-ти миллионного населения; это главная часть империи. На ней главным образом основалось могущество

московских царей.

Но очень ошибется тот, кто предполагает, что этот народ добровольно и свободно сделался рабским орудием царского деспотизма. Вначале, до вторжения татар, и даже после, до начала XVII столетия, это был, конечно, тоже очень несчастный народ, мучимый своими правителями и привилегированными эксплуататорами земли, но пользовавшийся однакож естественной свободой и полным общинным и даже часто областным самоуправлением.

Вся северо-восточная часть империи, населенная преимущественно этим великорусским народом, разделялась, как известно, даже во время татарского ига, на несколько удельных княжеств, более или менее независимых друг от друга: и это разделение, эта взаимная независимость ограждали, до известной степени, свободу всех, -- свободу, конечно, дикую, но действительную. Основания первобытной и не вполне сложившейся организации были чисто демократические. Князья, часто прогоняемые и почти всегда странствующие из одного княжества в другое, пользовались только ограниченной властью. Дворянство, составлявшее княжеский двор, кочевало вместе с князьями; следовательно, оседлых собственников было очень мало. Народ тоже кочевал и потому земля в действительности не принадлежала никому, т. е. она принадлежала всем -- народу. Вот где кроется начало идеи, вкоренившейся в умах всех русских племен империи -- идеи, пережившей все политические революции и оставшейся более могущественной, чем когда-либо, в народном сознании -- идеи, носящей в себе все социальные революции, прошедшие и будущие, и состоящей в убеждении, что земля, вся земля принадлежит только одному народу, т. е. всей действительно трудящейся массе, обрабатывающей ее своими руками.

Цари, вначале великие князья московские, были долгое время только управляющими татар в России, управляющими униженно рабскими, страшно корыстными и неутомимо жестокими; и как подобает управляющим, они обделывали свои собственные дела гораздо больше, чем дело своих господ; благодаря покровительству татар, они постепенно увеличивали свои владения, в ущерб соседним княжествам. Таково было начало московского могущества. Целые два столетия великие князья московские, московские бояре и московская церковь образовывались в политической школе, принципы которой выражаются словами -- рабство, низкое подбострастие, гнусная измена, жестокое насилие, отрицание всякого права и всякой справедливости и полное презрение к человечеству. Когда, благодаря этой политике, благодаря особенно несогласию татар между собою, эти управляющие, до сих пор рабски покорные, почувствовали себя достаточно сильными, чтобы избавиться от своих господ, они их прогнали.

Но татарщина, вместе со своими скверными качествами рабства, успела глубоко вкорениться в официальном и официозном мире Москвы.

Подобное политическое начало достаточно об'ясняет дальнейшее развитие Российской империи. Но судьба готовила нам еще другой великий источник развращения.

В конце XV века Константинополь пал и наследие умирающей византийской империи разделилось на две части. На запад бежавшие греки принесли с собою бессмертные традиции древней Греции, которые дали толчок живому движению Возрождения. А нам она

завещала, вместе со своей княжной, своими патриархами и чиновниками, всю испорченность византийской церкви и ужасный азиатский деспотизм в политической, социальной и религиозной жизни.

Вообразите себе дикого князя, татарина с головы до ног, грубого, жестокого, трусливого в случае нужды, лишенного всякого образования, не только презиравшего всякое право, но совершенно не имеющего понятия о праве и человеколюбии; из первоначального рабского положения он вдруг возносится в своем воображении, по меньшей мере на высоту византийского императора и воображает себя призванным быть богом на земле, владыкой всего мира. А возле него церковь, не менее грубая, не менее невежественная, но властолюбивая и развращенная из своего рабского положения в Византии, она переносится в несравненно более рабское положение, в Москве, честолюбивая и в тоже время алчная и раболепная, является всегда послушным орудием всякого деспотизма; вечно пресмыкаясь перед царем, она наконец, так тесно смешала в своих молитвах его имя с именем бога, что удивленные верующие, в конце концов, не знают, кто бог и кто царь. Рядом с этой церковью и этим царем вообразите себе дворянство, не менее жестокое и варварское, составленное из самых разнородных элементов: из потомков русских князей, лишенных своих уделов, из татарских князей, из литовских дворян, укrywшихся в Москве, из новых и старых бояр, титулованных дворцовых лакеев, чиновников и сыщиков дикой московской администрации; в все они образуют вокруг трона что-то вроде наследственной бюрократии, официальную касту, совершенно отделенную от народа; эта каста сама до бесконечности дробится по родам и чинам, раз'единяется честолюбием, жадностью, соревнованием лакейства, но составляет единоедушное целое в одном общем рабстве, в невероятном самоуничтожении перед истинным богом империи -- гарем. Одинаково безличные, одинаково уничтоженные перед ним, все они, с каким-то рабским сладострастием называют сами себя его рабами, холопами, людишками, Мишками, Петьками, безропотно сносят от него всякое унижение, позволяют себя оскорблять, бить, истязать, убивать; признают царя безусловным господином своего имущества, своей жизни, детей и жен своих, и взамен такого полного самоунижения, они просят только одного -- земли, как можно больше земли для эксплуатации, права грабить казну без стыда и немилосердно мучить народ.

Итак, народ, вот истинная вековая жертва московской истории.

Наша история представляет противоположность истории запада. Там короли соединялись в начале с народом, чтобы подавить аристократию, а у нас рабство народа было результатом корыстного союза царя, дворянства и высшего духовенства. Следствием всего этого было то, что народ великорусский, свободный до конца XVI века, вдруг оказался прикрепленным к земле, и сначала фактически, а потом и юридически сделался рабом господина -- собственника земли, дарованной ему государством.

Терпеливо ли он выносил это рабство? Нет. Он протестовал тремя страшными восстаниями. Первое восстание произошло в самом начале XVII века, в эпоху Лжедмитрия. Совершенно неверно об'яснять это восстание династическими вопросами или интригами Польши. Имя Дмитрия было только предлогом, а польские войска, приведенные польским магнатом, были так малочисленны, что не стоит говорить об них. Это было истинное восстание народных масс против тирании московского государства, бояр и церкви. Могущество

Москвы было разбито и освобожденные русские провинции послали туда своих депутатов, которые хотя и выбрали нового царя, но принудили его принять известные условия, ограничивавшие его власть; он поклялся сохранять эти условия, но впоследствии, конечно, нарушил эту клятву. Главными основаниями этой хартии были -- уничтожение московской бюрократии и автономия общин и областей, следовательно совершенное уничтожение гегемонии и всемогущества Москвы.

Но хартия была нарушена. Царь Алексей, наследник народного избранника, с помощью дворянства и церкви восстановил деспотическую власть и рабство народа. Тогда-то поднялось народное восстание, носившее на себе тройной характер: религиозный, политический и социальный -- восстание Стеньки Разина, первого и самого страшного революционера в России. Он поколебал могущество Москвы в самом ее основании. Но он был побежден. Недисциплинированные народные массы не могли вынести напора военной силы, уже организованной офицерами, вызванными из Европы, особенно из Германии. И эта новая победа государства над народом послужила основанием новой империи Петра Великого. Петр понял, что для основания могущественной империи, способной бороться против рождавшейся централизации западной Европы, уже недостаточно татарского кнута и византийского богословия. К ним нужно было прибавить еще то, что называлось в его время цивилизацией запада -- т. е. бюрократическую науку. И вот из татарских элементов, полученных в наследство от отцов и с помощью этой немецкой науки, он основал ту чудовищную бюрократию, которая и до сих пор давит и угнетает нас. На вершине этой пирамиды стоит царь, самый бесполезный и самый вредный из всех чиновников; под ним дворянство, попы, и привилегированные мещане, все имеющие значение только по столько, по сколько они служат и грабят государство; а внизу, как пьедестал пирамиды, -- народ, податями задавленный и мучимый немилосердно.

Покорился ли народ своему рабству? Примирился ли он с империей? Нисколько. В 1771 году, среди торжества Екатерины II над турками и над несчастной и благородной Польшей, которую она задушила и разорвала на части, не одна впрочем, так как ей помогали в этом два знаменитых представителя западной цивилизации: Фридрих Великий, король прусский, друг философов и сам философ, и набожная Мария Терезия, императрица австрийская; итак, среди торжества Екатерины II, в то время, как весь мир удивлялся возроставшему могуществу и удивительному счастью императрицы всероссийской, Пугачев, простой донской казак, поднял всю восточную Россию. Действительно, вся страна между Волгой и Уралом восстала; миллионы крестьян, вооруженных топорами, пиками, ружьями и всяким оружием, поднялись; и для чего? чтобы избить повсюду дворян и чиновников, чтобы захватить всю землю в свои руки и образовать на ней свободные сельские общины, основанные на коллективной собственности; Екатерина сначала отнеслась с презрением к этому восстанию, но затем испугалась не на шутку.

Многочисленные полки, посланные против бунтовщиков, под предводительством старых генералов, были разбиты. Вся народная Россия, Россия крестьянская, пробужденная, воспламененная доброй вестью, взволновалась. Народ ждал Пугачева в Москве. Если бы он пришел, русская империя погибла бы безвозвратно. Императрица послала против Пугачева огромную армию и народ еще раз был побежден.

Что же, покорился ли он после этого? Нет. Со времени казни Пугачева и до наших дней, внутренняя, более или менее секретная история империи состоит из последовательного и непрерывного ряда частных и местных восстаний крестьян -- восстаний, вызываемых глубокой и непримиримой ненавистью их к помещикам, ко всем чиновникам и к государственной церкви.

Вы видите, господа, я был прав, говоря, что между великорусским народом и империей, его давящей, нет ничего общего. Первый есть отрицание последней; примирение между ними невозможно, потому что интересы их несовместимы: интересы народа заключаются в свободном пользовании землей, в самостоятельности сельских общин, в благосостоянии, вытекающем из свободного труда и исключаящем, следовательно, помещичью собственность, опеку, т. е. бюрократический грабеж, набор, налоги -- все, что составляет самую суть государства. Как же может народ любить государство и желать сохранения его могущества?

Но, возразят, разве народ не обожает царя? На это я скажу, что обожание царя есть только результат громадного недоразумения. За несколько лет до великой французской революции, английский путешественник, Артур Юнг, видя восторг, с которым встречало Людовика XVI сельское и городское население Франции, сказал, что "народ, который так обожает своего короля, никогда не может быть свободен". Через несколько лет совершилась революция и никто не помешал столичным революционерам возвратить бежавшую царскую фамилию под стражей из Варенн в Париж. Знаете ли, что означает это воображаемое обожание русского царя народом? Это -- проявление ненависти к дворянству, к официальной церкви, ко всем государственным чиновникам, т. е. ко всему, что составляет самую суть императорского могущества, самую существенную сторону империи. Царь для народа, подобно богу, только отвлеченность, во имя которой он протестует против жестокой и подлой действительности.

Таково положение великорусского народа. Теперь судите сами, справедливо ли, приписывать ему преступления и завоевания, совершаемые империей? Но, скажут, разве он не снабжал солдатами? Да, конечно, как французский народ снабжал армии Наполеона I для завоевания мира, как он снабжал ими Наполеона III для покорения Мексики и Рима, как в настоящее время еще большая часть Германии prepares своих солдат, чтобы сделать из них пассивное орудие в руках графа Бисмарка. Есть ли в самом деле, в характере великорусского народа эти воинственные, завоевательные элементы. Вот в чем вопрос. На это я могу смело ответить, что славянские народы вообще, великорусский в особенности, наименее завоевательный народ в мире. Единственная вещь, которую он страстно желает -- это свободное и коллективное пользование землей, которую он обрабатывает; все остальное ему чуждо и вызывает в нем страх.

Впрочем, посмотрите всю историю этого народа и скажите, шел ли он когданибудь по доброй воле на запад? Туда ходили русские армии, собранные и дисциплинированные кнутом, для удовлетворения честолюбия царей, -- русский же народ никогда. Причина этого весьма проста. Народ этот по преимуществу земледельческий и требует земли, свободной земли. А на западе земля не свободна, напротив черезчур густо заселена, на востоке же она беспредельна, необработана и плодородна, -- вот почему пока русский народ был свободен

в своих движениях, пока Петр Великий не прикрепил его окончательно к земле, он всегда направлял свой путь на восток, поворачивая спину западу до тех пор, пока это движение не прекратилось насильственно империей.

Вот, господа, сущность истории великорусского народа. Но кроме него, есть еще малороссы, более чистые славяне с меньшей примесью финского элемента: они образуют в империи 12 миллионов населения, а если прибавить к ним галицийских русинов, то -- целые 15 миллионов племени, говорящего одним языком, имеющего одинаковые нравы и великие исторические воспоминания. После вторжения татар народ этот, к несчастью, был поставлен между московским деспотизмом, с одной стороны, и жестоким притеснением иезуитствующей и аристократической польской шляхтой с другой.

Восставши против этой последней, в половине XVII века, часть Украины из ненависти к Польше совершила великую ошибку: она приняла покровительство русского царя. Цари обещали ей все: и сохранение ее вольностей и национальную автономию, так как обещание всех государей, будут ли они цари, простые герцоги, короли или императоры, походят друг на друга всегда и везде, то русские цари наградили, конечно, Малороссию самым грубым деспотизмом, таким-же, какой существовал в великой России с жестокой помещичьей эксплуатацией и не менее жестоким притеснением бюрократии. В XVIII веке, когда Франция готовилась к революции. Екатерина II, филантропствовавшая императрица, восхваляемая философами, ввела крепостное право, до того времени не существовавшее в Польше. А в настоящее время это панславистское национальное правительство систематически и жестоко преследует малороссийский язык в Малороссии, как польский в Польше. Пусть будет это предостережением австрийским и турецким славянам, которые ищут свое спасение в Москве.

Этот народ, вместе с 4 миллионами белоруссов, по всей вероятности, составит отдельную, независимую нацию миллионов в 20 жителей, которая может, конечно, вступить в союз с Польшей или Великоруссией, но должна остаться совершенно независимой от гегемонии той и другой. Но, скажут, разве положение этих народов не улучшилось значительно со времени пресловутого освобождения крестьян, которым так гордится царствующий ныне император? Не верьте этому освобождению, оно только на словах; народ перестал ему верить окончательно. Я считаю необходимым сказать о нем несколько слов, чтобы рассеять заблуждения запада на этот счет. Я начну с замечания, что напрасно приписывают честь этой попытки или этого ложного освобождения великодушию императора Александра II. Ее единственной причиной была крымская катастрофа. Эта война, к счастью столь несчастная для нас, нанесла тяжелый удар самому существованию империи. Здание, воздвигнутое Петром Великим, Екатериною II и Николаем I, вдруг пошатнулось, внезапно открыло всю свою преждевременную гнилость и действительную негодность. После крымской войны для всех стало очевидно, что старый порядок вещей не может более продолжаться и что если государство не будет преобразовано, то народная революция вспыхнет неминуемо. Старый порядок основан был на крепостном праве -- следовательно, надо освободить народ. Таково было в то время единодушное убеждение всей России; такова была страстная надежда, великое ожидание народных масс. Чтобы доказать вам справедливость моих слов я приведу свидетельство одной важной особы, авторитет которой в этом случае не может быть подвергнут сомнению. Эта особа сам император Александр II. Не помню, было ли это в 1859

или 1860 г., он произнес публично в полном собрании московских дворян следующие замечательные слова: "Господа, мы должны поторопиться освободить крестьян, ибо лучше для всех нас, чтобы эта революция произошла сверху, а не снизу". Смысл этих слов чересчур прост, и ясен; неправда ли? Если бы народу не дали подобия свободы, он сам бы ее взял; но взял бы уже свободу полную, действительную, безусловную, взял бы ее посредством революции, т. е. уничтожения дворянства и империи.

Государство находилось тогда в крайне трудном и щекотливом положении, с одной стороны, оно должно было освободить народ, с другой -- очень хорошо понимало, что не может этого сделать действительно, потому что все его существование, все условия его бытия враждебны действительному освобождению народа. Следовательно, надо было обмануть его, кажушимся освобождением, дать им, в интересах сохранения государства такую свободу, которая в сущности не была бы свободой, и не разорила бы помещиков, заставив крестьян заплатить вдвое, втрое дороже за землю, которая и без того принадлежала ему по праву их собственного тяжелого труда и труда всех предков их. Это и было сделано. Несмотря на эту свободу, о которой так много кричали в Европе, русский народ до сих пор прикреплен к земле, и русский крестьянин, сделавшийся собственником своей земли, вместе с тем окончательно разорен и почти умирает с голоду.

Чтобы собрать оброки и покрыть недоимки, которые он не в состоянии платить, продают орудия его труда и даже его скот; у него нет более семян для посева, нет возможности обрабатывать землю. Вот то счастье, которым наградил его великодушный Александр II.

Не понимая подобной свободы, он восставал. Его били, расстреливали и ссылали. Во многих губерниях он и теперь еще нередко просит правительство взять землю назад, которая при настоящих условиях, его разоряет, -- его же бьют палками, сажают в тюрьмы, расстреливают. Таково настоящее положение народа, и теперь он начинает понимать, что царь -- божественная отвлеченность и есть действительная и главнейшая причина всех его бедствий. От этого сознания до кровавой революции очень недалеко.

Но кто сумеет организовать и направить эту революцию? Молодежь. Говоря вам о революционной русской молодежи, я не могу не упомянуть о случае, бывшем между нами и которым хотели воспользоваться против меня. Я говорю о новом манифесте русской социальной демократии, который многие из вас читали. Им воспользовались третьего дня, как неоспоримым аргументом, чтобы склонить вас отвергнуть принцип экономического и социального уравнивания классов и лиц, который мною и моими друзьями был вам предложен в надежде, что вы захотите дать рабочим массам серьезное и действительное доказательство искренности ваших демократических и народных чувств. Вам сказали: "видите, чего хотят эти нарушители общественного порядка. Они хотят уничтожения религии, собственности, семейства и государства -- этих вечных основ цивилизации"; эти гг. должны бы были прибавить "и вечной несправедливости". Эти основы и эти причины существующего порядка вещей так прекрасны и так справедливы, что вы сами в своей программе заявляете о необходимости "радикального" их преобразования. Я не имею намерения входить в подробности этого спора. Я хочу только отклонить от себя честь издания этого манифеста, причем громко заявляю, что я от всего сердца признаю все изложенные в нем принципы. В доказательство, что я действительно не участвовал в

составлении этого документа я приведу только один факт. В 1862 г. та же самая программа с небольшими изменениями и, конечно, иначе изложенная, была напечатана тайно в России под названием "Манифеста Молодой России".

Скажут, как говорили и тогда, что "этот манифест есть только необдуманное и преувеличенное выражение чувств очень небольшого числа молодых ветреников". Это, господа, глубокая ошибка. Хотите вы знать число молодых и пожилых людей, разбросанных по России и сочувствующих этим принципам, людей которых чувства, стремления, инстинкты или, если так можно выразиться, симпатии вполне выражаются изложенными в манифесте принципами? Я думаю, что я скорее уменьшу, чем преувеличу, если скажу, что число таких людей простирается до 40, даже до 50 тысяч человек. Ведь это целая армия! И армия осмысленная и энергичная. Кто составляет ее? Молодые люди, вышедшие из корпусов, гимназий и университетов, дети мещан или раззорившегося мелкого дворянства. Юноши, почти лишенные средств существования, но тратящие последний свой грош на приобретение книг и образование; в особенности дети сельского духовенства, большинство которых погибает в адских трущобах наших семинарий, но из числа которых очень многие, притом самые умные и сильные, вырываются оттуда, полные энергии и ненависти ко всему существующему строю. Наконец, много крестьянских и мещанских детей -- юношей полных жизни, из которых многие делаются замечательными людьми, если счастливый случай даст им возможность образоваться. Вот, господа, наша революционная фаланга, которую государство преследует немилосердно, сотнями ссылает в Сибирь, садит в тюрьмы, умышленно убивает и истязает всеми способами, и, не смотря ни на что, оказывается бессильным против них, так как они черезчур многочисленны, разбросаны по всему пространству империи, а главное через-чур незаметны и потому легко избегают надзора.

Но что могут сделать разбросанные 40 или 50 тысяч человек против организованной силы государства? Они могут тоже организовать; они уже организуются, а посредством организации сделаются в свою очередь силою, и силою тем более грозною, что она будет почерпать свою силу не в себе самой, а в народе. Они сделаются безустанными и деятельными посредниками между нуждами, инстинктами, неодолимой, но еще неосознанной силой народа и революционной идеей.

С таким народом, социалистом по инстинкту и революционером по природе, и с такой молодежью, стремящейся по принципам и, что еще важнее, по самому своему положению, к уничтожению существующего порядка вещей,-- революция в России несомненна. Что же будет ее первым, ее необходимым делом? Разрушение империи, потому что пока существует империя ничего хорошего и живого не может осуществиться в России. Это, господа, убеждение русской революционной молодежи и мое также. Мы патриоты народа, а не государства. Мы хотим счастья, достоинства, свободы нашего народа, всех народов русских, и не русских заключенных ныне в империи. Поэтому то мы и желаем разрушения империи. Ясно это?

Позвольте мне, господа, прибавить к этой длинной речи, еще одно замечание. Год тому назад, один демократический журнал, издаваемый в Лейпциге, обращаясь ко всей демократической русской эмиграции и называя между прочим и мое имя, задал нам вопрос: вы называете себя демократами, социалистами, заклятыми врагами вашего правительства,

скажите же нам, каковы ваши чувства и мысли относительно честолюбивых стремлений вашей империи? Ненавидите ли вы, подобно нам, порабощение Польши, Кавказа, Финляндии, Балтийских провинций, ваши недавние завоевания в Бухаре и воинственные планы против Турции?

На этот вопрос, впрочем совершенный естественно, я не счел нужным отвечать тогда: теперь я отвечу на него. После всего сказанного ответ будет легок. Впрочем, для всех добросовестных людей он вытекает сам собой из моей прошлогодней речи, сказанной на Женевском Конгрессе. Если мы желаем полного и совершенного уничтожения империи, мы можем только ненавидеть ее властолюбие, а следовательно и все ее победы на севере, как и на юге, на востоке, как и на западе, и я думаю, что самым большим счастьем для русского народа было бы поражение императорских войск, каким нибудь внутренним или внешним образом. Вот мое мнение относительно общего принципа.

Теперь, вдаваясь в подробности и начиная с севера, я скажу: Я желаю, чтобы Финляндия была свободна и имела полную возможность организоваться, как желает и соединиться, с кем хочет. Я говорю тоже самое, совершенно искренно и относительно Балтийских провинций. Я прибавлю только маленькое замечание, которое мне кажется необходимым, потому что многие из немецких патриотов, республиканцев и социалистов, имеют, повидимому, две мерки, когда дело доходит до международной справедливости -- одну для них самих, а другую для всех остальных наций, так что нередко то, что им кажется справедливым и законным, когда оно касается германской империи, принимает, в их же глазах, вид отвратительного насилия, если совершаются другой какой нибудь державой.

Предположим, например, что Германия будет завоевана иностранным государством, например, Францией; тринадцать четырнадцатых населения этой страны, следовательно, большинство обитателей, считаются чистыми немцами и только одна четырнадцатая, горсть завоевателей и властителей -- класс привилегированного дворянства и буржуазии -- оказывается состоящей из французов. Я прошу немцев, задававших нам вопрос, ответить в свою очередь, откровенно, положив руку на сердце: будет ли эта страна по их мнению, французская или немецкая? Я отвечу за них, -- конечно она считается немецкой в их глазах. Во первых, потому что огромное большинство состоит из массы подавленной, эксплуатируемой, производительной -- словом, из рабочего народа, а будущность также как и симпатия их -- я не сомневаюсь в этом ни минуты, -- на стороне рабочего люда. Таково положение Балтийских провинций. Откройте Кольба, великого статистика, которым так гордится Германия, и вы увидите, что во всех прибалтийских провинциях, включая туда даже петербургскую губернию, всего только двести тысяч немцев, на население в два миллиона восемьсот тысяч человек {Кольб насчитывает во всей империи 60.000 немцев.} как раз одна четырнадцатая часть.

Посмотрим теперь, из каких элементов состоит это незначительное немецкое большинство. Его составляют, во первых, благородные потомки ливонских рыцарей, которые с панским благословением и под предлогом религии, а в особенности, чтобы присвоить чужое достояние, крестили огнем и мечем эту несчастную страну. Чем стали она теперь? Высокомерными владыками народа, которого они продолжают эксплуатировать, и рабски преданными слугами петербургского императора. Если наши немецкие друзья хотят взять

их, если они думают, что королевские дворцы в Берлине недостаточно наполнены юнкерами Померании, пусть они берут их. Затем их управляющие протестантского исповедания -- самые закоснелые, непреклонные и правоверные из всех протестантов; они покорные слуги помещиков, для пользы которых всеми силами стараются задушить умственные способности несчастных латышских и финских крестьян. Желают ли наши друзья, принимая их в виде подарка, увеличить число своих собственных эксплуататоров народного невежества? -- Наконец, остается буржуазия, которая несколько не лучше и не хуже мелкой, средней и крупной буржуазии немецких городов, зарабатывающей своим трудом средства к жизни, или эксплуатирующей, когда можно чужой труд; она верный слуга российского императора, но будет тем же самым и для всякого другого господина, который захотел бы подчинить ее своей власти. Она иногда может резонерствовать, но никогда не возмутится против своих господ, ибо ее призвание -- резонерствовать и всегда повиноваться. Все остальное население -- два миллиона шестьсот тысяч -- состоит из латышей и финнов, т. е. из элементов совершенно чуждых немецкой народности, даже более чем чуждых, враждебных -- ибо нет имени более ненавистного для этого народа, чем имя немцев. Это весьма естественно: разве раб может любить своего господина и мучителя? Я слышал однажды сам, как латышский крестьянин говорил: "Мы ждем минуты, когда можно будет вымостить черепами немцев большую дорогу, ведущую в Ригу". Вот, господа, страна, которую германские газеты представляют нам немецкой. Русская ли она поэтому? Нет, несколько. Сделанная сначала немецкой, а потом русской, по праву завоевания, т. е. в силу жестокой несправедливости и нарушения всех прав естественных и человеческих, она по природе своей, по инстинктам и желаниям своих обитателей, ни русская, ни немецкая; она финская и латышская страна. Что произойдет с ней в будущем, с какой национальной группой захочет она соединиться -- трудно предвидеть. Верно одно, и это не осмелится отрицать ни один искренний и серьезный демократ, будет ли он русский или немец все равно, верно неоспоримое право этого народа располагать своей судьбою, независимо от 200.000 немцев, которые притесняли его и теперь притесняют, и которых он ненавидит, независимо от всякого германского союза и от российской империи.

Теперь перейдем к Польше. Вопрос, мне кажется, одинаково прост, если хотят разрешить его только с точки зрения справедливости и свободы: все народности, все страны, которые захотят принадлежать к новой польской федерации, будут польские, все которые не захотят этого, не будут польскими. Русское население Белоруссии, Литвы и Галиции соединится с кем захочет и никто не в состоянии теперь определить его будущую судьбу. Мне кажется, всего вероятнее и желательнее, чтобы они образовали с Малороссией отдельную национальную федерацию, независимую от Великороссии и Польши.

Наконец, останется ли сама Великороссия со своим 35 миллионным населением тоже политически централизованной, как и теперь? Это нежелательно и невероятно. Централизованное 35 миллионное население никогда не может быть свободным внутри и мирным и справедливым вне своих пределов. Великороссия, как все другие славянские земли, следуя великому стремлению века, который требует непрямого разрушения всех великих или малых политических централизаций, всех учреждений, организаций, чисто политических, и образования новых социальных групп, основанных на коллективном труде, и стремящихся к всемирной ассоциации, -- Великороссия, которая, как все другие страны, которых коснулась демократическая и социальная революция, разрушится сначала, как

политическое государство и свободно реорганизуется вновь снизу вверх, от периферии к центру, смотря по своим потребностям, инстинктам, стремлениям и интересам, как личным, так коллективным и местным, на единственном основании, следовательно, на котором возможно утвердиться, истинной справедливости и действительной свободе.

Наконец, чтобы резюмировать все сказанное, я еще раз повторю: да, мы хотим совершенного разрушения российской империи, полного уничтожения ее могущества и ее существования. Мы хотим этого столько же во имя человеческой справедливости, как и во имя патриотизма.

Теперь, когда я достаточно ясно высказался, настолько ясно, что никакая двусмысленность или сомнение более не возможны, я позволю задать один вопрос нашим немецким друзьям, предложившим нам вышеприведенные вопросы. Согласны ли они, во имя любви к справедливости и свободе, отказаться от польских провинций, каково бы ни было их географическое положение, их стратегическая и торговая польза для Германии -- желают ли они отказаться от всех польских стран, население которых не хочет быть немецким? Согласны ли они отказаться от своего, так называемого, исторического права на часть Богемии, которую до сих пор не удалось германизировать, не смотря на прекрасные, всем известные, исторические, иезуитские и жестоко деспотические средства, -- на Моравию, Силезию и Чехию где ненависть населения увы, совершенно справедливая, к немецкому владычеству, не может подлежать сомнению? Согласны ли они отречься во имя справедливости и свободы, от честолюбивой политики Пруссии, которая, во имя коммерческих и морских интересов Германии, хочет силою присоединить датское население Шлезвига к Северному Германскому Союзу? Согласны ли они отказаться от своих притязаний, во имя тех же коммерческих и морских интересов, на город Триест, гораздо более итальянский, нежели немецкий? Одним словом, согласны ли они отречься от своей страны, как они этого требуют от других, от всякой политики и признать для себя, как для других, все условия и все обязанности налагаемые свободой и справедливостью? Согласны ли они принять во всей широте и во всех применениях следующие принципы -- единственные, на которых может создаваться международный мир и справедливость.

1) Уничтожение того, что называется историческим правом и политической необходимостью государства, во имя каждого населения большого или малого, слабого или сильного, также как каждой отдельной личности, располагать собою с полной свободой, независимо от потребности и притязаний государства, и ограничивая эту свободу только РАВНЫМ правом других.

2) Уничтожение всяких постоянных договоров между личностями и коллективными единицами -- ассоциациями, областями, нациями, -- иными словами, признание за каждым права, если он также свободно связал себя с другим лицом, уничтожить договор, исполнив все временные и ограниченные условия, которые он содержит. Право это основывается на принципе, составляющем необходимое условие действительной свободы -- что прошедшее не должно связывать настоящего, а настоящее не должно связывать будущего, и что неограниченное право принадлежит живущим поколениям.

3) Призвание для личностей, также как и для ассоциаций, общин, провинций и наций, права свободного удаления из союзов, с единственным непременным условием, чтобы выходящая часть не поставила в опасность свободу и независимость целого, от которого отходит, своим союзом с иностранной и враждебной державой. Вот истинные, единственные условия свободы и справедливости. Согласны ли они, наши немецкие друзья, признать их так же искренно, как признаем их мы? Одним словом, хотят ли они вместе с нами уничтожения государства -- всех государств?

Господа, в этом заключается весь вопрос. Государство -- это насилие, притеснение, эксплуатация, несправедливость, возведенные в систему и сделавшиеся краеугольным камнем существования всякого общества. Государство никогда не имело и не может иметь нравственности. Его нравственность и его единственная справедливость есть высший интерес его самосохранения и всемогущества -- интерес, перед которым должно преклоняться все человечество. Государство есть полное отрицание человечества, отрицание двойное -- и как противоположность человеческой свободе и справедливости, и как насильственное нарушение всеобщей солидарности человеческого рода. Мировое государство, которое столько раз пробовали создать, всегда оказывалось невозможным: следовательно, пока государство будет существовать, их будет несколько; а так как каждое из них ставит себе единственной целью, высшим законом, поддержать свое существование в ущерб всем другим, то понятно, что самое существование государства подразумевает уже вечную войну -- насильственное отрицание человечества. Всякое государство должно завоевывать или быть завоеванным. Всякое государство основывает свое могущество на слабости, а если может без вреда для себя, и на уничтожении других держав.

С нашей стороны, господа, было бы странным противоречием и смешной наивностью заявлять желание, как это было сделано на теперешнем конгрессе, учредить международную справедливость, свободу и вечный мир, а вместе с тем хотеть сохранить государство. Невозможно заставить государства изменить свою природу, ибо в силу именно этой природы они государства, и, отказываясь от нее, они перестают существовать. Следовательно, нет и не может быть хорошего, справедливого и нравственного государства. Все государства дурны в том смысле, что они по природе своей, т. е. по условиям цели своего существования составляют диаметрально противоположность человеческой справедливости, свободы и нравственности. И в этом отношении, что бы ни говорили, нет большой разницы между дикой всероссийской империей и самым цивилизованным государством Европы. И знаете ли вы, в чем заключается это различие? Царская империя делает цинически то, что другие совершают под покровом лицемерия, и она составляет по своему открытому, деспотическому и презрительному отношению к человечеству, тайный идеал, к которому стремятся и которым восторгаются все государственные люди Европы. Все государства Европы делают то, что делает она, на сколько позволяет им это общественное мнение и, главное, новая, но уже могущественная солидарность рабочих масс, носящая в себе семя разрушения государств. Добродетельным государством может быть только государство бессильное, да и оно преступно в своих мыслях и желаниях.

Итак я прихожу к заключению: Тот кто желает вместе с нами учреждения свободы, справедливости и мира, хочет торжества человечества, кто хочет полного и совершенного освобождения народных масс, должен желать вместе с нами разрушения всех государств и

основания на их развалинах всемирной федерации производительных свободных ассоциаций всех стран.